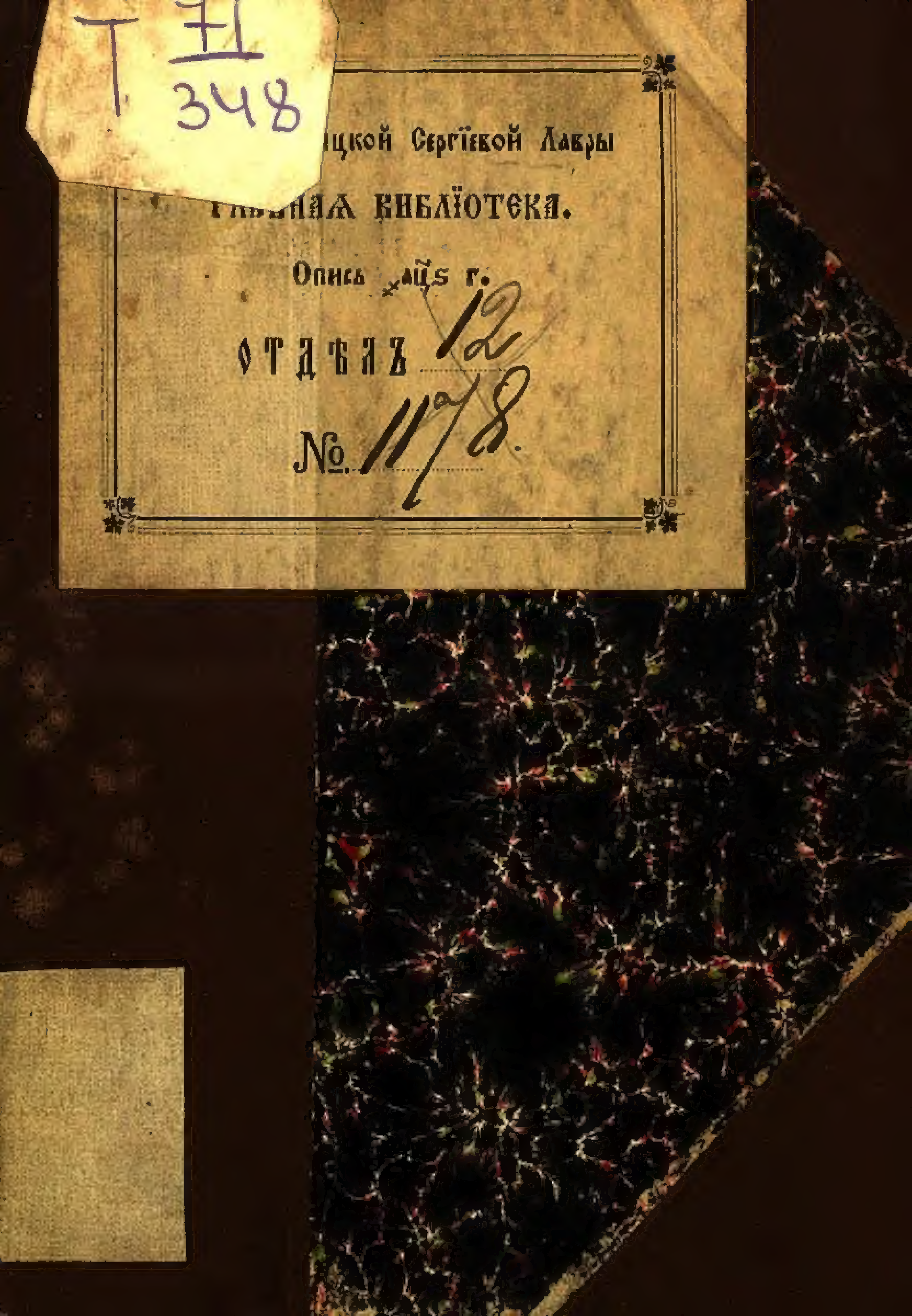

T 71 348
ицкой Сергіевой Лавры
библіотека.
Опись
Отдѣлъ 12
№ 1178.

О ЗНАЧЕНІИ и ПРАВАХЪ

РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

(Мысли и замѣтки по поводу одного разговора).

[illegible handwritten line]

Други, не верьте.......... Противъ теченія

Други, гребите..........

Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Верой въ святое свое назначеніе
Мы-же возбудимъ теченіе встречное
Противъ теченія

Губ. гор. Владиміръ.

1881.

(Гр. А. К. Толстой)

О ЗНАЧЕНІИ И ПРАВАХЪ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

(Мысли и замѣтки по поводу одного разговора).

Начало всякаго дворянства, а также нашего Русскаго, въ общихъ чертахъ почти вездѣ одинаково: властитель, завоеватель, вообще Государь страны, для упроченія своей власти и государственнаго начала дѣлитъ между своими родственниками и приближенными (въ рѣдкихъ случаяхъ между бывшими владѣтелями страны) землю, которая для тѣхъ же цѣлей еще подраздѣляется, но принципъ сюзеренства предполагаетъ твердую связь всего государства. Изъ этой среды владѣтелей земли и повелителей населенія,—посредственныхъ или непосредственныхъ слугъ Государя всей страны (такъ какъ всѣ титулы не болѣе, какъ названіе должностей: герцогъ—военноначальникъ; маркизъ—охранитель границъ, и т. д.)—и образововается дворянство. Но только этимъ началомъ и ограничивается сходство дворянства Русскаго съ дворянствомъ Западной Европы: у насъ многочисленность княжескаго рода и вотчинное начало устраняетъ мужей именитыхъ, дружинниковъ и пріѣзжихъ слугъ Государевыхъ отъ непо-

средственнаго владѣнія и управленія землей, — порождаютъ удѣльную систему и раздробленіе государства, такъ какъ принципъ сюзеренства умаляется понятіемъ равноправности по родству и послѣднее воплощеніе единства страны — титулъ Великаго Князя — становится почти фиктивнымъ. Затрудненія, вызванныя въ государственной жизни феодальною системою, сказывались въ Западной Европѣ постепенно; постепенно же государственная власть и урѣзывала ея, — на столько постепенно, что сословіе, представлявшее эту систему, успѣло воспитаться и окрѣпнуть до значенія законченнаго политическаго принципа. Ни въ Англіи Генрихъ Тюдоръ, ни во Франціи Ришльё топоромъ, а Людовикъ XIV орудіемъ, еще болѣе пагубнымъ, — системой двора, — не могли подорвать его; да въ извѣстной мѣрѣ, въ первобытномъ своемъ значеніи, оно продолжало являться государственною необходимостью, такъ что еще не прошло ста лѣтъ до нашего времени съ тѣхъ поръ, какъ дворянство являлось во главѣ жизни, развитія и преуспѣянія западныхъ государствъ.

Не то было у насъ: удѣльная система была непосредственной причиной страшнаго государственнаго разгрома, продолжавшагося слишкомъ 200 лѣтъ. Не даромъ цѣлый рядъ незабвенныхъ Государей, освободившихъ Россію, называются собирателями земли Русской; самое понятіе собиранія значило радикальное уничто-

женіе разъединяющей, чуть въ конецъ не погубившей государство, удѣльной системы и всякой попытки самостоятельнаго, внѣ сильной, единой власти, существованія, и сходство историческихъ судебъ Русскаго высшаго сословія съ Западно-Европейскимъ почти стушевывается: когда еще нѣсколько столѣтій спустя въ Западной Европѣ естественнымъ представителемъ и предводителемъ данной части населенія являлся дворянинъ—по праву наслѣдства и вѣковыхъ преданій, у насъ въ распредѣленіи власти и политическаго значенія являлась исключительно милость Государева.

Правда, что одно только начало оставалось неприкосновеннымъ,—начало рода или родовитости, такъ какъ вплоть до Петра Великаго насчитывается одинъ только примѣръ возведенія въ дворянское достоинство,—это Нижегородскаго гражданина Козьмы Минина, но какая же была и заслуга его государству. Даже самъ Иванъ Васильевичъ Грозный не рѣшился удовлетворить своего близкаго слугу Малюту Скуратова въ его желаніи боярской шапки.

И не только значеніе и власть, но имущество, собственность истекаетъ отъ милостей Государя и жалуется исключительно на предметъ прокормленія на службѣ Государевой; все же, что̀ не воевода, не стольникъ и т. д., сливается съ массою, хотя и остается при своей родовитости (такъ называемые однодворцы, нося-

щіе древне-историческія имена, но уже нѣсколько столѣтій находящіеся въ этомъ положеніи, бóльшею частью потомки неустоявшихъ при Государевомъ Дворѣ).

Прикрѣпленіе сельскаго населенія къ землѣ и перепись владѣльцевъ населенныхъ имѣній въ XVII столѣтіи могли бы еще возстановить значеніе Русскаго дворянства, какъ сословія, непосредственно стоящаго у народа и представляющаго его предъ высшею властью, но не успѣло оно окрѣпнуть, какъ грянула великая революція Петра. Этому всеобъемлющему Царю не надо было помощниковъ и посредниковъ между нимъ и массóю населенія: самъ работникъ въ трудномъ и новомъ дѣлѣ, онъ искалъ только работниковъ,—работниковъ умѣлыхъ, и бралъ ихъ гдѣ могъ и гдѣ находилъ.

Еслибы къ этому времени дворянство уже не было владѣльцемъ наслѣдственной, земельной, населенной собственности, то, вѣроятно, оно, какъ сословіе, было бы сметено желѣзною рукою Преобразователя въ числѣ прочаго, чтò онъ считалъ ненужнымъ для себя, т.-е. въ своихъ видахъ для Россіи; но въ то время оно являлось уже нагляднымъ представителемъ государства, чтò, вѣроятно, и спасло его отъ уничтоженія, такъ сказать отъ раскассированія, но не помѣшало Великому заключить дворянство съ цѣлою массою иностранцевъ недворянъ,—людей нужныхъ и полезныхъ государству,—въ табель о рангахъ и ею

опредѣлить его значеніе. Словомъ, характеръ сословія служилаго утверждается болѣе, чѣмъ когда-либо. При началѣ одного изъ послѣдующихъ царствованій (Анны Іоанновны) послѣднимъ проявленіемъ значенія высшаго сословія и послѣднимъ отголоскомъ принципа родовитости была неудавшаяся олигархическая попытка нѣсколькихъ представителей именитыхъ родовъ, показавшая, что то начало, которымъ прожили нѣсколько вѣковъ Италіянскія государства, которымъ долго жила, но и отъ него же погибла Польша,—въ Россіи являлось безпочвеннымъ.

Табелью о рангахъ разрушается, конечно, бывшее до того времени неприкосновеннымъ условіе родовитости и замкнутости высшаго сословія; составъ дворянства, а съ нимъ и его характеръ измѣняется (въ то время общей ломки c'était la moindre des choses); но все-таки въ послѣдующія эпохи всѣ выдающіеся дѣятели государства (изъ Русскихъ), за очень малыми исключеніями, выходятъ изъ его среды.

Геній Великой Государыни не могъ не обратить своего организаторскаго начала и на сословіе, считавшееся высшимъ въ государствѣ. Сословіе было организовано, за нимъ утверждено названіе дворянства (еще при Петрѣ оно называлось бóльшею частью шляхтой), какъ бы въ подтвержденіе его служебнаго призванія Особѣ и Двору Государя. Учрежденія ему были

дарованы по тому времени очень широкія и оно въ лицѣ своихъ выборныхъ призывалось къ участію во многихъ мѣстныхъ управленіяхъ. О духѣ и значеніи этихъ дарованныхъ правъ упомяну послѣ.

Не прошло, однакоже, столѣтія со времени учрежденія табели о рангахъ, какъ трудно было бы найдти въ массѣ дворянства данныя, присущія ему въ продолженіи тысячелѣтняго существованія Русскаго государства. Приливъ новыхъ элементовъ имѣлъ, конечно, хорошіе для него и благодѣтельные для государства результаты, давая доступъ людямъ достойнымъ и способнымъ; но эта хорошая сторона табели о рангахъ не искупала того, что предоставлялись права людямъ, не только что неимѣвшимъ преданій, сроднившись изъ поколѣнія въ поколѣніе съ которыми, могли бы принять тяжелую отвѣтственность за врученныя имъ судьбы,—но права эти даровывались иногда людямъ прямо недостойнымъ, которые въ службѣ государственной, въ крѣпостномъ правѣ видѣли только предметъ личной выгоды.

Между тѣмъ какъ представители древнихъ родовыхъ преданій объ отношеніяхъ къ подвластному населенію, объ обязанностяхъ къ нему и къ государству—служили послѣднему, гдѣ того требовали его нужды, представителями дворянства внутри страны, соприкасающагося непосредственно съ населеніемъ,

являлись въ большинствѣ люди новаго состава, задавшихся цѣлью эксплуатировать своихъ крѣпостныхъ, иногда своихъ недавнихъ братьевъ по сословію.

Право владѣльца на населеніе, прикрѣпленное къ его землѣ, стало правомъ гнуснымъ, позорнымъ; оно развратило дворянство и извратило понятіе объ его значеніи въ большинствѣ подвластнаго ему населенія.

Оно отмѣнено чрезъ 80 лѣтъ послѣ того, какъ организаціей дворянства Великая Монархиня предначертала обновить и укрѣпить его. Значеніе, которое придавалось дворянству этою организаціей, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что ею подтверждалось исключительное право этого сословія—имѣть своихъ подданныхъ; на этомъ основывалось его политическое значеніе въ государствѣ и его матеріальное благосостояніе и сила. Духъ же этой организаціи былъ почерпнутъ у Западной Европы, у учрежденій ея дворянства, такъ рѣзко отличающагося отъ нашего и своею исторіей, и своимъ значеніемъ. Изъ двухъ данныхъ этой дарованной организаціи—крѣпостное право, опозорившее дворянство, пало; привитый духъ народомъ или совсѣмъ понятъ не былъ, или остался пустымъ звукомъ, предлогомъ тщеславія въ ущербъ обязанностямъ. Тѣмъ не менѣе остатки этой организаціи продолжаютъ дѣйствовать въ числѣ прочихъ государственныхъ отправленій.

Перехожу къ такъ-называемымъ правамъ Русскаго дворянства и граммотамъ, ихъ подтверждающихъ. Правъ этихъ за тысячелѣтнее его существованіе было много: были права обычныя, сложившіяся подъ вліяніемъ даннаго политическаго состоянія государства; измѣнявшееся состояніе измѣняло и ихъ, и они постепенно теряли свое значеніе и исчезали, какъ и появлялись, т.-е. въ зависимости отъ времени. Были права присвоенныя вслѣдствіе случайныхъ фазисовъ исторіи государства, на которыя временно была своего рода magna charta, выраженная хотя бы въ признаніи свершающагося факта и въ отсутствіи протеста; но подобныя права слишкомъ противорѣчили народному духу, а главное антипатіямъ къ олигархическому началу въ томъ же высшемъ сословіи Русскомъ, чтобы удержаться. Видятъ подтвержденіе бывшихъ правъ Русскаго дворянства въ томъ, что оно призывалось къ обсужденію и рѣшенію какъ бы совмѣстно съ высшею властью важнѣйшихъ дѣлъ государства.

О первыхъ двухъ родахъ правъ, которые напримѣръ выражались въ правѣ отъѣзда и захватѣ бо́льшей или меньшей власти во время малолѣтства Государей и ихъ междуусобій, — много говорить не приходится: они сами и ихъ оцѣнка принадлежатъ уже только исторіи.

Право доли участія въ рѣшеніяхъ высшей вла-

сти и даже ихъ санкціи видятъ въ двухъ выраженіяхъ его—въ боярской думѣ и въ земскомъ соборѣ.

Званіе боярина было званіе жалуемое (отнюдь не наслѣдственное),—званіе несомнѣнно придворное, присущее высшимъ сановникамъ государства и приближеннымъ Государю лицамъ.

Боярская дума была высшее государственное учрежденіе—совѣтъ Государя, безъ котораго, даже у Африканскихъ племенъ, ни одинъ государственный строй не обходится. Тенденціозная натяжка можетъ приводить выраженія «бояре положили», «бояре приказали» какъ подтвержденіе самостоятельнаго участія думы въ высшей власти: въ настоящее время установлена только болѣе осмысленная канцелярская редакція журналовъ присутственныхъ мѣстъ, отъ сената до полицейскаго правленія, которыя «приказываютъ», но Именемъ Величества и государственнаго совѣта, который «полагаетъ», но только мнѣніемъ.

Та же натяжка требуется, чтобы видѣть въ земскихъ соборахъ, созывавшихся Государями въ нѣкоторыя эпохи государственной жизни (не говоря, конечно, объ исключительномъ, въ виду отсутствія высшей власти, характерѣ соборовъ, собиравшихся въ смутное время), видѣть въ земскихъ соборахъ начало конституціонное, т.-е. ограничивающее или умаляющее Самодержавную власть Государей, или даже непосредственно вершающее что-нибудь.

Воспоминаніе о земскихъ соборахъ должно быть дорого, какъ воспоминаніе о нагляднѣйшемъ выраженіи единенія и общенія Державной власти съ народомъ.

Послѣднее незыблемое начало, возведенное въ таинство геніемъ Русской народности, неизмѣнно проходившее черезъ всю жизнь Россіи и тайну котораго представители цивилизаціи другихъ народностей никогда понять не могли, да и понять не въ состояніи, потому что кромѣ разума, убѣжденнаго вѣковымъ опытомъ, въ немъ участвуютъ и сердце, и кровь народа,— это начало не только политическаго, но, главнымъ образомъ, духовнаго единенія и общенія, при настоящихъ порядкахъ выражается манифестами, призваніемъ по спеціальнымъ вопросамъ спеціальныхъ представителей населенія, адресами, наконецъ болѣе частымъ появленіемъ среди подданныхъ Державнаго Носителя верховной власти. При состояніи тогдашняго общества и государственнаго строя соборъ представителей всей земли Русской являлся удобнѣйшимъ пріемомъ для выраженія этого краеугольнаго начала.

Наконецъ въ исторіи являются права дѣйствительно опредѣленныя и точно регламентированныя Высочайшею волей и подтвержденныя ею въ чудныхъ великодушіемъ выраженіяхъ. Чѣмъ былъ вызванъ этотъ актъ—народною ли жизнью, политическою ли потребностью времени, то является уже вопросомъ второ-

степеннымъ предъ самымъ совершеніемъ факта огромной государственной важности.

Но да не прогнѣвится тѣнь Великой Матери Отечества, съ такою любовью и съ такими блестящими результатами завершавшей дѣла Великаго Отца отечества; да не раздражатся мои собратья по сословію, которые въ граммотѣ, дарованной 21-го Апрѣля 1785 г., до сихъ поръ желали бы видѣть неприкосновенную святыню. Говоря о практическомъ примѣненіи ея 92-хъ статей, я скажу, что врядъ ли одна изъ нихъ чрезъ 85 лѣтъ послѣ ихъ изрѣченія оказалась бы состоятельной,—скажу это я, дорожащій шестисотлѣтней службой моихъ отцовъ государству, безъ всякаго прискорбія, такъ какъ это умаленіе значенія статей граммоты нахожу справедливымъ и естественнымъ и даже достойнымъ того высокаго значенія высшаго сословія, какъ я его понимаю, потому что если возможны и полезны единичныя причисленія верховною властью къ дворянству отдѣльныхъ личностей изъ другихъ состояній, то цѣлое сословіе съ его самобытнымъ, жизненнымъ, государственнымъ смысломъ—создается только исторіей.

Умаленіе это я справедливымъ и естественнымъ нахожу, потому что статьи, наиболѣе излюбленныя почитателями граммоты, имѣютъ какъ бы отрицательный смыслъ относительно справедливости къ другимъ состояніямъ, населяющимъ государство, какъ напримѣръ ст. 8,

9, 10 и 11, которыми предоставляется право благороднымъ не быть лишенными чести, достоинства, имѣнія и жизни иначе, какъ по суду. Кто не порадуется со мною распространенію этого якобы исключительнаго права на всѣхъ подданныхъ Русскаго Царя.

Въ святомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти и надѣленіи ихъ землей видятъ нарушеніе одной изъ этихъ статей, говорящей о правѣ собственности.

Понятіе о священномъ правѣ собственности имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ оно не нарушаетъ и не идетъ въ разрѣзъ съ общими нравственными и человѣческими законами,—въ противномъ случаѣ оно перестаетъ быть священнымъ, перестаетъ быть правомъ. Безнравственному, противочеловѣческому крѣпостному праву нѣкоторые его поборники придаютъ характеръ священнаго права собственности, но при этомъ именуютъ его «вотчинно-помѣстнымъ правомъ», выводя его изъ вотчиннаго и помѣстнаго начала, и приводятъ двѣ древнихъ, патріархальныхъ формулы: для перваго—«кіиждо володѣлъ родомъ своимъ», а для втораго—что князья роздали дружинникамъ селенія и «разсадили ихъ по мѣстамъ».

Чтобы судить, на сколько умѣстны подобныя ссылки для уясненія начала права крѣпостнаго, или какъ тамъ угодно будетъ его называть, слѣдовало бы спросить $^{99}/_{100}$ изъ послѣднихъ бывшихъ помѣщиковъ: такъ ли патріархально считали они хамово отродье своихъ

подданныхъ своимъ родомъ. Также приходится порадоваться, что съ развитіемъ финансовой системы, губернаторы и другія должностныя лица, «разсаженныя по мѣстамъ» верховною властью, получаютъ опредѣленное содержаніе изъ государственнаго казначейства деньгами, а не кормятся съ подвѣдомственнаго имъ населенія и мѣстности, а то бы это кормленіе, при отправленіи своей обязанности и службы государству, могло бы послужить имъ въ будущемъ основаніемъ для помѣстнаго права со всѣмъ, что̀ изъ него выводятъ.

Не естественной являлась тоже излюбленная ст. 12-я, въ которой говорилось: «да не судится благородный окромѣ своими равными». Это положеніе цѣликомъ взято изъ учрежденія «пэровъ» (pairs), свойственнаго дворянству Западной Европы, въ виду вѣковой организаціи тамъ другихъ сословій, и, наконецъ, вслѣдствіе существованія какъ бы особой судейской корпораціи, имѣвшей свою наслѣдственность, хотя и не замкнутой (что-то въ родѣ нашего духовенства), и выработавшей изъ себя какъ бы особое сословіе (la noblesse de robe, въ противоположность природному дворянству—la noblesse de l'épée, послѣднее величало первое насмѣшливымъ названіемъ robain), и потому при существованіи, на ряду съ дворянствомъ, цѣлаго ряда другихъ самостоятельныхъ, организованныхъ сословій,—такая прерогатива, какъ судъ себѣ рав-

ными, могла имѣть мѣсто; но у насъ, гдѣ во всѣ времена всякая власть, въ томъ числѣ и судебная, находилась въ рукахъ того же дворянства, за рѣдкими исключеніями, когда высшее духовенство призывалось творить судъ, у насъ эта 12-я ст. являлась тогда только подражаніемъ Западно-Европейскимъ дворянскимъ учрежденіямъ, ничѣмъ невызваннымъ и безпочвеннымъ.

Однимъ словомъ всѣ права этой граммоты права дарованныя, или ею подтверждались права, которыхъ христіанское и стоящее на извѣстной степени цивилизаціи государство допускать у себя не могло. Дарованныя права, невыработанныя государственною жизнью, какъ и созданное искусственно сословіе, прочнаго существованія имѣть не могутъ; права, основанныя на такомъ противо-государственномъ, противо-человѣческомъ, противо-христіанскомъ началѣ, какъ крѣпостное право, должны были пасть,—они и пали предъ великимъ Царскимъ словомъ,—словомъ—началомъ всякаго блага въ Россіи и охранителемъ ея отъ всякаго зла.

Потому-то и утратилось чрезъ 75 лѣтъ значеніе этой граммоты, что она не согласовалась съ духомъ Русскаго государства, по которому всегда сама самодержавная власть воплощала въ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, не различая ихъ блага по состояніямъ, и для этого же блага и выдѣляла изъ среды населенія особое сословіе, а не для того, чтобы на

немъ примѣнять не свойственное ей, въ ущербъ самой обычной справедливости и благу общему, исключительное свое предпочтеніе.

Царь-отецъ, отецъ своихъ подданныхъ, отецъ всей Россіи,—вотъ какъ привыкъ понимать Русскій народъ своего Царя; понялъ это своимъ любвеобильнымъ сердцемъ нашъ Царь и отцомъ явилъ себя въ великой семьѣ, дарованной ему Богомъ.

Но тѣмъ самымъ умалилъ ли онъ значеніе своего дворянства? Нѣтъ: очистивъ его отъ такъ-называемыхъ правъ, позорящихъ человѣчество, онъ его же призывалъ и призываетъ, какъ дѣлывали то въ отдаленнѣйшія времена его предшественники, строить съ нимъ землю Русскую.

Впрочемъ, это относится до настоящаго и до будущаго значенія Русскаго дворянства, о чемъ скажу послѣ.

Такимъ образомъ видно, что все, что̀ подразумѣвается подъ названіемъ правъ Русскаго дворянства, оказалось несостоятельнымъ по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что было не естественно, т.-е. не согласовалось ни съ духомъ народа Русскаго, ни съ тѣмъ духомъ Русскаго дворянства, подъ значеніемъ котораго оно образовалось и окрѣпло.

Въ составѣ Россійской Имперіи, кромѣ Великорусскаго, есть другое дворянство, ничего съ Русскимъ дворянствомъ, какъ всѣ Западно-Европейскія, общаго

неимѣющее. Бывъ сначала духовно-военнымъ братствомъ, оно завоевало себѣ территорію и цѣлые вѣка на правахъ верховной власти господствовало надъ ней и надъ населяющими ее чуждыми покоренными имъ племенами, благо которыхъ было далеко не первою его заботою.

Императоръ Петръ I, покоривъ эту территорію съ населяющими ее племенами и съ ихъ властителями, нашелъ послѣднихъ уже организованной корпораціей, съ установленными вѣками правами на мѣстное населеніе,—правами, пріобрѣтенными сначала завоеваніемъ и упрочившимися вѣковымъ примѣненіемъ.

Переходящее положеніе народнаго самосознанія, мудрая политика завоевателя сдѣлали то, что права эти были подтверждены имъ, присоединившимъ эту территорію къ своей Имперіи.

Права пріобрѣтенныя и только подтвержденныя рознятся отъ правъ дарованныхъ.

Права, на которыхъ зиждется государственный строй, долговѣчнѣе правъ искусственно созданныхъ.

Тѣмъ не менѣе, преклоняясь предъ высшею мудростью, съ величавымъ благодушіемъ сносящей притязанія сословія, значеніе котораго держится только его же покорившими штыками,—Русскому дворянству не приходится, съ его высокимъ государственнымъ значеніемъ, удивляться и завидовать положенію вышепомянутаго дворянства,—дворянства безотечественнаго, такъ

какъ оно чуждо населенію, среди котораго живетъ, и потому ничего съ дворянствомъ Русскимъ, всегда жившимъ одною жизнью съ Русскимъ народомъ, общаго неимѣющаго.

Думаю, что этимъ, по возможности, краткимъ обзоромъ прошлаго и такъ-называемыхъ правъ дворянства можно съ ними и покончить.

Но какое же, спрашивается, остается значеніе у этого хотя бы и безправнаго, т.-е. писаннымъ закономъ почти непривиллегированнаго сословія, называемаго Россійскимъ благороднымъ потомственнымъ дворянствомъ?

Значеніе огромное, значеніе вѣчное, отъ котораго непосредственно зависитъ дальнѣйшее на много вѣковъ преуспѣяніе Русскаго государства въ его самобытномъ, выработанномъ вѣками духѣ, какъ уже преуспѣвало оно въ немъ послѣднее тысячелѣтіе.

Значеніе это заключается въ чистой, беззавѣтной обязанности способствовать развитію государства, хотя бы въ ущербъ личнымъ матеріальнымъ интересамъ, какъ понимали то наши предки, служа Государямъ, строившимъ землю Русскую.

Созданіе правъ, оказавшихся несостоятельными, дали мѣсто пустому тщеславію, устранивъ на второй планъ понятіе обязанностей, которыя превратились въ извѣстное трижды-проклятое чиновничество, и утвердило съ корыстнымъ развращающимъ началомъ крѣпостное право, извратившее значеніе дворянства.

Но подтвержденіемъ живучести принципа является славное царствованіе, которое намъ дано переживать, великія дѣянія и реформы котораго дворянство вынесло на своихъ плечахъ. Служа ему, согласно своимъ здравымъ преданіямъ, оно организовало бытъ крестьянъ, освобожденныхъ изъ подъ его же власти; оно же явилось въ большинствѣ представителями обновленнаго суда, уравнивающаго его личныя права; ему повелѣно быть во главѣ земскаго представительства...... отъ него зависитъ идти этимъ путемъ до самаго далекаго будущаго, потому что живучесть эта обусловливается всѣмъ духомъ нашего народа: въ то время, какъ западные народы, вслѣдствіе своего географическаго и сравнительно независимаго отъ внѣшнихъ причинъ положенія, опередили насъ на много столѣтій на пути человѣческаго преуспѣянія, Россія, поставленная историческими судьбами оплотомъ этого же преуспѣянія противъ напора варварской грубой силы, выдержавъ свое историческое въ семьѣ народовъ предопредѣленіе, воспрянула отъ подавлявшаго ея варварскаго ига и исполинскими шагами начала догонять своихъ старшихъ братьевъ по цивилизаціи на пути послѣдней. Чѣмъ объяснить такую безпримѣрную въ исторіи быстроту преуспѣянія, какъ не духомъ, не геніемъ Русской народности, до глубины проникнутой единеніемъ съ верховною властью, въ которой привыкла видѣть начало всякаго блага и

которая, въ свою очередь, съ нечеловѣческими, по благости своей, чистыми побужденіями вела и ведетъ Россію ко всякому добру.

Въ Западной Европѣ, непонимающей даже значенія этого духа, подобнаго быстраго, твердаго, спокойнаго хода впередъ быть не можетъ: исторія ея сложилась такъ, что народы относятся къ власти подозрительно и ревниво, видятъ въ ней какъ бы необходимое зло, хотя и ограждающее права каждаго отдѣльно отъ другихъ, но какое-то покушеніе на собственную каждаго отдѣльно личность. Носители же власти, сознавая это, бо́льшую часть ея употребляютъ для ея же упроченія и для послѣдняго упускаютъ изъ вида главное ея назначеніе—благо народовъ, которымъ иногда жертвуютъ для видовъ, гдѣ трудно отличить сознаніе обязанностей отъ себялюбія.

Порождаемая этимъ неестественнымъ положеніемъ постоянная внутренняя борьба хотя и называется свободою, но задерживаетъ прогрессивное движеніе народовъ, которое достигается по иниціативѣ, идущей всегда бо́льшею частью отъ населенія послѣ трудной, если только движеніе это правильно и постепенно, борьбы, неимѣющей смысла для самой сути дѣла; или достигается оно порядкомъ революціоннымъ, въ большинствѣ случаевъ кровавомъ и по существу своему пагубно потрясающемъ государство.

При этомъ сравненіи еще нагляднѣе выступаетъ величавое значеніе нашего народнаго духа, которымъ мы прожили 1,000 лѣтъ: у насъ начало всякаго государственнаго преуспѣянія исходитъ исключительно отъ благой и любвеобильной верховной власти, не только порядкомъ постепеннымъ, но чуткіе къ народной жизни и ея потребностямъ Цари наши дѣйствовали и порядкомъ, такъ сказать, революціоннымъ, какъ наприм. Петръ Великій и нашъ Монархъ, вписывающій такую свѣтлую страницу въ исторію Россіи.

На это могутъ сказать, что у Западно-Европейскихъ народовъ то преимущество, что всякое движеніе впередъ у нихъ вырабатывается борьбою, всякая добытая истина является уже закаленной въ этой борьбѣ и т. д.

Отвѣтомъ на эти общеизвѣстные доводы людей нетерпѣливыхъ, народа Русскаго незнающихъ, служитъ наша исторія, хотя бы за истекшій вѣкъ. Какія потребности народной жизни не были исчерпаны и удовлетворены съ такими результатами, что при менѣе сознающей свое значеніе власти понадобились бы на удовлетвореніе каждаго отдѣльнаго проявленія этихъ потребностей цѣлые вѣка борьбы.

Чтобы точнѣе опредѣлить мою мысль о настоящемъ и будущемъ значеніи Русскаго дворянства, я ставлю вопросъ: что должно быть болѣе присуще дворянству—права безъ обязанностей или обязанности безъ

такъ называемыхъ правъ; т.-е. права несостоятельныя, безнравственныя, порождающія только тщеславіе безъ обязанностей или съ такими, понятіе о значеніи которыхъ извращенно; или хотя и безъ правъ съ вышеписаннымъ характеромъ, но обязанности чистыя, какъ ихъ понимали наши отдаленнѣйшіе предки.

Почему говорящіе о правахъ Русскаго дворянства, такіе охотники въ большинствѣ случаевъ до формъ Западно-Европейскаго дворянства, не выдвигаютъ впередъ формулу стараго дворянства Франціи «noblesse oblige» (дворянство обязываетъ), — принципъ, до сихъ поръ свято хранимый благородными потомками славныхъ предковъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣчаться и которые даже среди республиканскаго правленія далеко не утратили своего политическаго и общественнаго значенія силою одного этого принципа.

Соблюдать его Русскимъ дворянамъ никакія права не способствовали, когда напримѣръ наши прадѣды, въ минуту отечественной опасности, не задумываясь посылали всѣхъ четырехъ сыновей подъ Царскія знамена, да и сами расправляли старыя спины, согбенныя въ Екатерининскихъ походахъ, готовые дать кровь свою Россіи и Царю, въ которомъ она воплощается.

Помѣшало ли отсутствіе положительныхъ правъ лучшимъ силамъ Русскаго дворянства свято исполнить предначертанія нашего Государя, обновившаго

Россію цѣлымъ рядомъ великихъ учрежденій, и быть проводниками ихъ въ народную жизнь?

Сожалѣніе и воспоминаніе объ утерянныхъ якобы правахъ будутъ долго еще находить благодарную почву въ средѣ Русскихъ дворянъ, видящихъ въ этомъ пустомъ звукѣ непосредственную связь съ своимъ бывшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и потерю его приписывающихъ утратѣ этихъ правъ. Кому теперь не ясно, что только неразуміе, неспособность или развращенность были причиною несомнѣнно страшнаго упадка матеріальнаго благосостоянія Русскаго дворянства: отъ него зависѣло воспользоваться какъ слѣдуетъ огромнымъ пространствомъ (даже бо́льшимъ, чѣмъ прежде, потому что крестьяне во многихъ мѣстностяхъ получили меньше земли въ надѣлъ, чѣмъ они пользовались находясь во владѣніи помѣщиковъ) оставшейся въ его владѣніи земли, со всѣми ея богатствами, цѣнность которыхъ увеличилась съ общимъ громаднымъ преуспѣяніемъ всего государства. Куда дѣвались огромные капиталы, перешедшіе въ руки дворянства черезъ выкупное учрежденіе? Получивъ ихъ и пользуясь всѣми утонченностями комфорта Европейской цивилизаціи, вспоминало ли дворянство о той сальной свѣчкѣ, съ которой сидѣли по своимъ деревнямъ его дѣды, представители именитѣйшихъ и богатѣйшихъ родовъ Русскихъ, послѣ того, какъ они вы-

несли всѣ суровости службы государству, и которыхъ никакія права при мотовствѣ, при неразуміи не спасали отъ раззоренія.

Дворянство сохранило свое начало, какъ понимаетъ его народъ Русскій и его исторія. Наслѣдственная преемственность служитъ гарантіей присущности ему лучшихъ, чистѣйшихъ беззавѣтнѣйшихъ преданій, которыми создалось и преуспѣвало Русское Царство.

Среда его открыта для лучшихъ силъ всего населенія: первый Русскій дворянинъ—Царь Русскій и его дворянство, для преуспѣянія всей Русской земли, которое составляетъ жизненное, государственное предназначеніе высшаго сословія,—принимаютъ радостно новыхъ собратій и пріобщаютъ ихъ къ великому Святому своему дѣлу.

Государямъ нашимъ угóдно было именовать себя «первыми дворянами Русскими».

Съ понятіемъ о самодержавной власти на Руси, какъ съ понятіемъ о Божествѣ на небесахъ, Русскій народъ никакого понятія о правѣ никогда не совмѣщалъ: оба существуютъ—одно какъ бы исходитъ изъ другаго, и этого достаточно, чтобы они сами бы являлись началомъ, источникомъ и подтвержденіемъ всякаго человѣческаго права.

Въ какомъ же смыслѣ можно примѣнить къ Русскому Царю званіе перваго Русскаго дворянина, какъ

не въ смыслѣ перваго слуги государства, до такой степени объединившагося съ нимъ, что народъ Русскій въ продолженіи тысячи лѣтъ не задумывался о томъ, гдѣ кончается отечество, гдѣ начинается Царь, а, въ свою очередь, въ своихъ помыслахъ тѣсно объединялъ ихъ, пріобщая къ этому нераздѣлимому единенію и самого себя.

Какъ велика должна быть теплая вѣра въ долголѣтнее дальнѣйшее существованіе Россіи, немыслимой безъ своего Царя, такъ равно должна быть сильна вѣра въ настоящее и будущее значеніе Русскаго дворянства, такъ какъ сословіе, бывшее въ продолженіи всей государственной жизни исключительнымъ и непосредственнымъ двигателемъ ея, согласно Державной волѣ,—сословіе это погибнуть не можетъ, идя по пути создавшихъ его преданій, имѣя такой образецъ какъ проявленія священной верховной власти надъ Русской землей; потому, если человѣкъ, какъ твореніе, созданъ по образу и подобію Божію, то дворянинъ, по чистотѣ и направленію помысловъ своихъ, долженъ быть подобенъ Царю.

Іюль 1880 г. *Варњево.* *М. П.*

Дозволено Цензурою. 1881 г. Апрѣля 22-го. Москва.

Типографія Владимірской Губернской Земской Управы.

